

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БЕЛЕЦКИЙ

(1884—1961)

В многогранном научном наследии Александра Ивановича Белецкого проблемы, связанные с творчеством Тургенева, казалось бы, не занимают значительного места. Однако одной из характернейших черт этого выдающегося ученого было умение в небольшой работе сказать больше, чем сказано в иных, крупного объема, трудах. Сжатость изложения, точность выражения мысли, полное отсутствие многословных рассуждений позволяли ему на немногих страницах развернуть новую концепцию, высказать интересные и всегда свежие идеи, наметить дальнейшие пути в изучении рассматриваемой им проблемы. Даже его научно-популярные работы (вступительные статьи, послесловия и т. п.) отнюдь не только подводят итоги изучению того или другого писателя, произведения, но представляют собой результат тщательного исследования, всегда исполнены блестящих мыслей и научных находок.

Много времени и сил отдавал А. И. Белецкий преподаванию в высшей школе. Был он замечательным лектором, увлекавшим слушателей, возбуждавшим и развивавшим их научное мышление. Читанные им курсы по истории русской литературы и теории литературы, общие и специальные, всегда строились на глубоком исследовании предмета, всегда давали новое его освещение, всегда двигали историко-литературную науку вперед. Они поучительны и с методической стороны — с точки зрения того, как следует строить университетский курс. Изучение педагогического мастерства А. И. Белецкого, отраженного в сохранившихся конспектах, могло бы дать немало ценного в научном отношении и весьма полезного в методическом, особенно для начинающих преподавателей высших учебных заведений.

Если собрать все тургеневские материалы, входящие в научное наследие А. И. Белецкого (статьи, публикации, конспекты курсов, докладов

и т. п.), то станет ясным, что, начиная с ранних лет своей деятельности до конца жизни, он никогда не выпускал Тургенева из сферы своих научных изысканий и сделал достаточно много для его изучения, освещая такие стороны творчества и значения писателя, которых не касались другие советские тургеноведы.

Первые пристальное внимание А. И. Белецкого Тургенев привлёк в 1918 г., когда отмечалось столетие со дня рождения писателя. Молодой учёный читал на харьковских Высших женских курсах и в университете в осеннем семестре этого года специальный курс, посвященный Тургеневу. В юбилейные тургеновские дни А. И. Белецкий устраивал в Историко-филологическом обществе при Харьковском университете заседания, на которых сам выступал с докладами и выпускал своих учеников с чтением их работ о Тургеневе. В университете он организовал литературный кружок им. Тургенева, о чем сообщалось в газете «Вестник Юга», № 25, от 6 октября/23 сентября 1918 г.¹

1918-й год для Украины — тяжелый год. Ее оккупировали немцы, на ней хозяйничали украинские националисты, стремившиеся всеми силами расторгнуть крепкие братские связи между русским и украинским народами. Объявивший в таких условиях чтение специального курса о Тургеневе, призывавший к широкому и всестороннему научному изучению его творчества, А. И. Белецкий выступал как учёный, для которого дружеские русско-украинские отношения были фактом, не вызывавшим никаких сомнений. Этой идее литературного единения русского и украинского народов А. И. Белецкий посвятил в дальнейшем немало работ.

Специальный курс о Тургеневе, читанный А. И. Белецким осенью 1918 г., вызывал неослабевающий интерес слушавших его, хотя чтение лекций протекало в неотапливаемом помещении, приходилось оставаться в верхней одежде и в замерзших руках держать карандаш, чтобы вести конспект. В Харькове была очень напряженная обстановка; когда наступал вечер, город погружался в кромешную тьму, раздавались то тут, то там выстрелы, на улицах, да и в домах было небезопасно — нередко орудовали бандиты. Тем не менее аудитория не редела и с увлечением слушала лекции.

Значение этого курса не только в том, что А. И. Белецкий проявил, читая его, блестящее искусство лектора. Этот курс — знаменательный момент в становлении советского тургеноведения, являющегося сейчас значительным разделом нашей историко-литературной науки. Именно тогда, в предреволюционные годы и в первые годы строительства советской культуры, сформировалась группа молодых исследователей, ставших выдающимися тургеноведами: в Москве — Н. Л. Бродский; в Петрограде — Н. К. Пиксанов, М. К. Клеман, и др.; на Украине — не только А. И. Белецкий, но и М. П. Алексеев, Л. П. Гроссман.

Специальный курс, над которым работал в 1918 г. А. И. Белецкий, был для тургеноведения тех лет выдающимся явлением, и анализ его даст материал не только для характеристики научного пути большого учёного, но и для историографии советского тургеноведения.

О курсе можно судить по двум конспектам бывших слушательниц харьковских Высших женских курсов². Курс охватывает не все творчество Тургенева; он обрывается на характеристике «Дворянского гнезда». В бурные 1918—1919 гг. лекции в харьковских вузах не могли протекать планомерно, не раз надолго прерывались, а иногда и совсем прекращались. И все же сохранившиеся конспекты дают ясное представление о направлении, избранном А. И. Белецким в изучении Тургенева. Прежде всего курс повернут в будущее тургеноведения, намечает его задачи, многие из которых уже разрешены или разрешаются, а иные еще ждут исследователя.

Курс начинается с анализа основной научно-критической литературы о Тургеневе. Ему предпослано историографическое введение; и в дальнейшем каждый факт творческой биографии писателя, каждое его произведение сопровождается библиографическим экскурсом. Вот почему утверждение А. И. Белецкого, что научное изучение Тургенева еще только-только начинается, являлось вполне обоснованным.

Прежде всего не было еще полного собрания его сочинений. На какую-либо полноту не могли претендовать ни названные «полными» издания И. И. Глазунова (1-е — 1883 г., 2-е — 1884 г., 3-е — 1891 г., 4-е — 1897 г.), ни издание А. Ф. Маркса (приложение к «Ниве» 1898 г.). Одна из главных задач в изучении Тургенева — собирание и публикация забытых и неизвестных его текстов, писем. А. И. Белецкий отмечает в этом деле большую заслугу М. О. Гершензона, опубликовавшего в «Русских прописях», т. III, 1916, забытые произведения Тургенева, и Н. К. Пиксанова, под редакцией которого в 1915 г. вышел «Тургеневский сборник» с интересными материалами о писателе. Но это лишь начало подготовки подлинного полного собрания сочинений писателя с критически проверенным текстом его произведений. А. И. Белецкий призывал своих слушателей включиться в эту огромную работу по собиранию литературного и эпистолярного наследия Тургенева.

Задача, намеченная А. И. Белецким, не смогла получить быстрого решения. В 1928—1934 гг. вышло имевшее большое значение издание сочинений Тургенева под редакцией К. И. Халабаева и Б. М. Эйхенбаума, а в 1960 г. стало выходить действительно научное и полное собрание сочинений Тургенева, которое издает Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР и над которым работает большой коллектив тургеноведов во главе с академиком М. П. Алексеевым.

Таким же существенным пробелом в изучении Тургенева А. И. Белецкий считает отсутствие научной биографии Тургенева. Первую попытку воссоздания жизни писателя никак нельзя признать удачной. Этой биографией была книга И. И. Иванова «И. С. Тургенев. Жизнь. Личность. Творчество» (1-е изд. — 1896 г.; 2-е — 1914 г.). Если на первом издании лежит печать еще либеральных тогда воззрений автора, то во втором он судит о Тургеневе уже с реакционных позиций. Работа Иванова искажает многое в деятельности Тургенева. Отдельные биографические этюды Н. М. Гутяра, составляющие его книгу «И. С. Тургенев», 1907 г., небесполезны, замечает А. И. Белецкий, но не дают цельного представления о жизни писателя. Гораздо значительнее «Хронологическая канва для биографии Тургенева», составленная Гутьяром (1910), но в ней есть неточности, пробелы, она уже устарела и нуждается в больших дополнениях и исправлениях. Летопись жизни и творчества, построенная на скрупулезно собранных фактах, — одна из важнейших основ подлинно научного изучения писателя, и А. И. Белецкий говорит о необходимости ее создания. Советские литературоведы вскоре осуществили эту задачу: в 1934 г. вышла под редакцией Н. К. Пиксанова составленная М. К. Клеманом «Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева».

Признавая существенно важным создание научной биографии Тургенева, А. И. Белецкий тем не менее никогда не находился во власти биографического метода, столь характерного для дореволюционного литературоведения, когда биографией автора пытались объяснить его произведение, а затем на основе того же произведения судили о жизни писателя. А. И. Белецкий привлекал биографические факты лишь тогда, когда они позволяют заглянуть в творческую лабораторию писателя и помогают уяснить его замыслы. Вот почему в курсе после историографического введения сейчас же дается анализ раннего — романтического — периода творчества Тургенева. А. И. Белецкий отказался и от типичного для

дореволюционной науки о литературе имманентного изучения писателя — вне литературного процесса, когда произведения Тургенева истолковывались, исходя из субъективно понятого содержания, когда в них вкладывался смысл, характерный для классовой позиции пишущего. Таковы работы А. И. Незеленова, В. П. Буренина, С. А. Венгерова и др. А. И. Белецкий интересуется место Тургенева в истории русской литературы, его сложные связи с литературным движением того времени. Еще не владея марксистской методологией, еще не объясняя творчества Тургенева условиями современной ему общественно-политической и литературной борьбы, молодой ученый выдвигал в курсе такие проблемы, какие предстояло, да и предстоит еще разрешить советскому тургеноведению.

Одной из них является вопрос о романтизме раннего Тургенева, т. е. вопрос о становлении художественного метода писателя. А. И. Белецкий подошел к его изучению и конкретно и обобщающе. Он отметил в Тургеневе-романтике тенденцию к изображению своего «я» с проекцией этого «я» на весь мир, его интерес к народной поэзии, но подчеркнул игнорирование им столь характерной для романтиков исторической тематики; молодого писателя привлекла экспрессивность языка романтиков, их стремление к живописанию и эмоциональной выразительности. Однако при всем этом в ранних романтических произведениях («Стено», «Разговор») Тургенев низводит своих героев-романтиков на землю и иронизирует над ними, в нем сливаются романтик и критик романтизма, Ленский и Евгений Онегин, по образному выражению лектора; в первой половине 40-х годов писатель порывает с романтизмом и переходит на позиции натуральной школы.

Весьма знаменательна постановка в 1918 г. вопроса о Тургеневе — писателе натуральной школы. В дореволюционном литературоведении натуральная школа как важнейшее явление русской литературы 40-х годов чаще всего игнорировалась или понималась весьма упрощенно, как нечто родственное натурализму. Именно так истолкована она в работе К. К. Истомина «Старая манера» Тургенева (1834—1855). Опыт психологии творчества» (1913 г.).

В первые годы советского литературоведения А. И. Белецкий углубленно изучал историю натуральной школы, ее эстетические принципы, истоки ее поэтики, которую сформулировал Белинский. Результатом этого исследования явилась интересная, не потерявшая и сейчас научного значения статья «Достоевский и натуральная школа в 1846 году»³, предшествовавшая широко известным работам В. В. Виноградова⁴.

Рассматриваемый в специальном курсе вопрос о Тургеневе и натуральной школе 40-х годов интересен и самой постановкой вопроса, и многими решениями, не вызывающими возражений через сорок с лишним лет. Для А. И. Белецкого Тургенев в 40-е годы, автор «Записок охотника», — писатель натуральной школы, работающий в том реалистическом направлении, которое возглавлял тогда Белинский. Именно он, а не Гоголь, как это у нас еще и теперь не раз утверждается, был родоначальником натуральной школы, обосновавшим ее эстетическую программу и призывавшим следовать не только традициям Гоголя, но и Пушкина. А. И. Белецкий не раз говорит о пушкинском и гоголевском влиянии, испытанном молодым Тургеневым, но пушкинское и гоголевское начала в его творчестве органически сливаются с поэтикой натуральной школы.

Особенно глубоко проанализированы с этой точки зрения «Записки охотника». Среди них выделяются типичные физиологические очерки местного быта, рассказы с антикрепостнической тенденцией, хотя явная тенденция чужда Тургеневу. Они сопоставляются с современными им произведениями на тему о крестьянах (рассказы и очерки Даля, «Оксана»

Кубе, повести Григоровича, стихотворения Некрасова и др. А. И. Белецкий не обходит также и вопроса о влиянии на «Записки охотника» Ауэрбаха и Ж. Санд, вопроса, не раз поднимавшегося в дореволюционном литературоведении, но отказывается признать зависимость Тургенева от этих писателей. А. И. Белецкий не игнорирует художественной специфики «Записок охотника» и, исходя из их композиционной структуры, дает ясную и четкую их классификацию: 1) рассказы с одним портретом, 2) рассказы с серией портретов, 3) рассказы с зародышем сюжета, 4) рассказы с развернутым сюжетом.

Много тонких замечаний сделано о композиционной роли рассказчика и о характере пейзажа. Связывая поэтику «Записок охотника» с эстетическими принципами натуральной школы, А. И. Белецкий в то же время подчеркивает их художественное своеобразие и вместе с тем видит в них этюды последующих произведений. В них уже есть то, что было развито затем в «Муму», «Постоялом дворе», что перешло и в другие повести начала 50-х годов и даже в роман «Рудин». Так, в Лушихине из «Гамлета Щигровского уезда» намечены контуры Пигасова. Конечно, с точки зрения марксистско-ленинской методологии, мы усмотрим сейчас в анализе «Записок охотника», сделанном А. И. Белецким, известную недооценку общественного значения этого произведения, его места в политической борьбе 40-х годов. Он критикует типичные для дореволюционного литературоведения либеральные истолкования «Записок охотника», данные хотя бы в работе Т. Я. Ганжулевич «„Записки охотника“ И. С. Тургенева» (1909 г.), но не противопоставляет им своей концепции, более близкой нашему времени. Однако судить исследователя по его работе, сделанной в 1918 г., следует не за то, чего он не дал (да и не мог еще дать тогда), а за то, в чем он пошел дальше своих предшественников, что внес по сравнению с ними нового. И с этой точки зрения придется, несомненно, высоко оценить анализ «Записок охотника», предложенный в курсе.

Такого синтетического подхода к решению вопроса о Тургеневе 40-х годов как писателе натуральной школы, который наметил А. И. Белецкий, в тургеневедении еще пока нет; хотя и имеются работы о связи отдельных ранних произведений писателя с натуральной школой, но обобщенной характеристики Тургенева — писателя натуральной школы, сохраняющего при этом свои индивидуальные черты, еще никем не предложено.

Изучая драматургию Тургенева, А. И. Белецкий рассматривает ее в связи с современным ей русским театральным репертуаром, и это позволяет ему установить в ней общие реалистические тенденции с Островским. Исследователь вскрывает композиционную близость сцен и комедий Тургенева с его прозой и называет такие пьесы, как «Холостяк», «Нахлебник», «Разговор на большой дороге», драматизированными повестями, а «Завтрак у предводителя» справедливо характеризует как физиологический очерк помещичьего быта в диалогической форме. А. И. Белецкий отмечает новаторский характер психологической драмы «Месяц в деревне» с внутренним действием, предвещающей чеховские драмы. Его интересуют истоки этого жанра, нового в русской драматургии, и он усматривает некоторые ее конструктивные элементы, правда, в зародышевой форме, во французской литературе, где от Мариво, через Кармонтеля, Леклерка идут нити к Мюссе. Жанровая связь с драматическими «пословицами» Мюссе таких психологических сцен как «Провинциалка», «Где тонко, там и рвется», признана сейчас, а А. И. Белецкий указывал на нее уже в своем курсе еще до выхода в свет известной работы Л. П. Гроссмана «Театр Тургенева» (1924 г.).

В анализе «Рудина» и «Дворянского гнезда» А. И. Белецкий рассматривает предшествующие им повести и рассказы как этюды к этим романам, устанавливает композиционную близость «Рудина» к драме, обозначая

его как роман в диалогах с авторскими ремарками. Только в 1958 г. появилась небольшая работа на эту тему В. Баевского⁵, где указаны некоторые драматургические приемы, определяющие структурные формы «Рудина».

Особенно тщательно проанализирован роман «Дворянское гнездо», который А. И. Белецкий считает вершиной творчества Тургенева 50-х годов. Роман подготавливался всеми его более ранними произведениями. Много в типах, сюжетных ситуациях романа родственно современной ему прозе, особенно произведениям женщин-писательниц, но эта общность не лишает «Дворянское гнездо» своеобразие, ему свойственного. А. И. Белецкий не соглашается со своими предшественниками, полагавшими, что в лице Лаврецкого и Паншина изображено столкновение славянофила и западника; он считает Паншина чиновником-карьеристом, а в мировоззрении Лаврецкого не усматривает ничего славянофильского и вообще выделяет «Дворянское гнездо» из серии историко-общественных романов Тургенева, потому что центром романа является Лиза, при чем изображенная так, как еще ни одна литературная героиня не изображалась. Она показана через других лиц, при помощи символических деталей, намеков, немых сцен, ее драма — драма безмолвная, и читатель сам, без помощи автора, должен воссоздать ее образ. История детства, воспитания героини дана уже тогда, когда образ Лизы проявился.

Тонкие наблюдения сделаны А. И. Белецким над пейзажем в романе. Это лирические стихотворения в прозе, близкие по эмоциональному тону и стилю к стихотворениям любимых тургеньских поэтов — Пушкина, Тютчева, Фета. Сколько работ написано о тургеньском пейзаже, но такого плодотворного сопоставления не сделано, а оно могло бы углубить наше понимание тургеньского лиризма.

На анализе «Дворянского гнезда» курс обрывается. Не доведенный до конца, конспективно изложенный, он тем не менее и сейчас будит мысль исследователя, так как весь проникнут заботой о том, в каком направлении должно идти изучение Тургенева. Многие научные поиски Белецкого завершены более поздними тургеньоведами, а многое, намеченное им, еще ждет исследователя.

То, что сказал А. И. Белецкий в своем курсе, находит соответствие с «Кратким проектом программы историко-литературного изучения произведений И. С. Тургенева и современной им русской литературы», опубликованным И. Я. Айзенштоком. Но «Краткий проект программы» более теоретичен; он не предлагает изучения творческого пути Тургенева, характеристике которого посвящен спецкурс. В «Проекте программы» выдвинут ряд проблем, связанных с поэтикой и стилем. Его обобщенно-теоретические формулировки отражают искания А. И. Белецкого тех лет в области историко-литературного исследования любого писателя, а не только Тургенева. Собственно тургеньское подчинено здесь общетеоретическим вопросам. Зато в «Списке тем» не мало таких, которые ждут исследователя и по сей час.

Некоторые мысли, высказанные в специальном курсе, получили дальнейшее развитие в работах А. И. Белецкого, опубликованных в 1923 г., — в статьях «Из материалов для изучения И. С. Тургенева»⁶ и «Тургенев и русские писательницы 30—60-х годов»⁷. В первой статье А. И. Белецкий обогащает тургеньведение публикацией неизвестных ранее трех писем Тургенева к Е. Я. Колбасину и интересной заметки Тургенева под названием «Сюжеты», где Тургенев перечисляет ряд тем для задуманных им физиологических очерков. В комментарии к публикации А. И. Белецкий характеризует интерес Тургенева в 40-е годы к физиологическому очерку, в жанре которого, как справедливо утверждает исследователь, созданы некоторые рассказы из «Записок охотника».

Во второй работе, полемизируя с Д. Н. Овсянико-Куликовским, утверждавшим, что действительность не давала Тургеневу материала для создания женских образов, А. И. Белецкий доказывает, что именно русская действительность отражена в них, что многие известные писателю женщины становились реальными прототипами его героинь, например, поэтесса Е. Шахова, жизненная судьба которой отражена в драме Лизы Калитиной. Оставаясь верным положенному в основу специального курса научному принципу, что писателя нельзя понять вне историко-литературного процесса, А. И. Белецкий указывает на связи тургеневского творчества 40—50-х годов с произведениями русских писательниц этих лет (Е. А. Ган, М. С. Жуковой и др.), в повестях которых вырабатывался уже, начиная с 30-х годов, новый тип романтической героини, получивший свое блестящее завершение в творчестве Тургенева.

А. И. Белецкий не связывает «женский вопрос», поднятый писательницами 30—60-х годов, с русским освободительным движением первой половины XIX в., как это сделал бы марксист; но мимо этой работы, построенной на богатом жизненном и литературном материале, современный тургеновед пройти не может.

Для начального периода советского тургеноведения обе статьи были вкладом, научное значение которого остается в силе и сейчас. Так, работы А. Гранжара⁸ никак не опровергают предположения А. И. Белецкого, что прототипом Лизы была в какой-то мере поэтесса Е. Шахова, знакомая Тургеневу, жизненная история которой — ее личная драма и уход в монастырь — получила отражение в сюжетной схеме «Дворянского гнезда». При этом А. И. Белецкий не ставит знака равенства между Лизой Калитиной и Е. Шаховой. Образ Лизы — широкое обобщение, может быть, писатель что-то внес в него и от гр. Ламберт, какой она представлялась ему в начале знакомства. Но не она явилась прототипом образа Лизы, как утверждает А. Гранжар. Письма ее к Тургеневу, опубликованные А. Гранжаром, рисуют облик женщины, совсем не похожей на Лизу. Гр. Ламберт любит в письмах много говорить о себе, заниматься самоанализом, склонна подолгу рассуждать, и совсем не вяжется это рассудочное многословие с молчаливой, упреждающей в себя Лизой, скрывающей свои мысли и чувства. Да и взгляды гр. Ламберт полны мировоззрению Лизы. В своих реакционных политических суждениях она очень определена, настойчива, резка, особенно, когда с ней не соглашаются⁹. Но самое главное, религиозность Лизы, имеющая глубокие народные корни¹⁰, очень далека от религиозности гр. Ламберт, носящей казенный, официальный характер. Она тяготеет к светскому времяпрепровождению, уходит от него в религию, ей нравится покой монастырской жизни, но никогда у нее не появляется мысль, что молитвой, отрешением от житейских дел можно бороться с социальной несправедливостью. Гипотеза Гранжара о гр. Ламберт как о прототипе Лизы опровергается опубликованными им же письмами, а предположение А. И. Белецкого, что в сюжетной схеме «Дворянского гнезда» отразилась жизненная судьба поэтессы Е. Шаховой, не зачеркнуто работами французского ученого и остается в силе.

Нельзя пройти и мимо тех высказываний о Тургеневе, которые А. И. Белецкий щедро делает в своей большой теоретической работе «В мастерской художника слова» (1923 г.). Он вспоминает здесь о Тургеневе не только для того, чтобы примером из его произведений проиллюстрировать то или другое теоретическое положение; наоборот, тонкий анализ творчества Тургенева, глубокое умение схватить самое существенное в индивидуальной манере писателя позволяют исследователю делать теоретические выводы. Так, в первой главе «О толковании и изучении творческого процесса в поэзии» наблюдения над творческой работой Тургенева помогают А. И. Белецкому охарактеризовать тот тип творчества, при котором

работе фантазии художников дает толчок «впечатление от случайно встреченной ими человеческой личности, которую лишь с большими оговорками можно назвать моделью поэта». В главе третьей «Создание лиц» исследователь привлекает Тургенева, чтобы объяснить, почему и в каких условиях появляются у него герои близкие друг другу. «Тургенев с половины 50-х годов, — пишет он, — нащупывая образ новой героини от „Переписки“ к „Фаусту“ от „Фауста“ к „Асе“ и далее к „Накануне“, естественно наделяет некоторыми общими чертами образы героинь всех этих произведений, давая временный итог своих исканий в Елене; временный потому, что известные черты Елены повторяются позже в пределах его же творчества, например, у Марианны или у героини „Порога“». Интересные наблюдения сделал А. И. Белецкий над видами диалога у Тургенева; он намечает такие его разновидности, как диалог, разъясняющий действие, героя (рассказ Лежнева), служащий характеристике типически-бытовых фигур (диалог рассказчика с Сучком в «Льгове»); вместо диалога — молчание (в патетические моменты действия, например, в «Дворянском гнезде») и многие другие. С сожалением приходится отметить, что замечания А. И. Белецкого о тургеневском диалоге пока единственные, и еще никто не продолжил начатое им. В дореволюционное время пейзаж у Тургенева привлекал внимание исследователей (К. К. Арсеньев; Н. Salonen, А. В. Багрий, А. Вознесенский; в 1920 г. со статьей о нем выступил С. В. Шувалов), и, тем не менее, А. И. Белецкий идет дальше и высказывает ряд интересных мыслей о художественной роли параллелизма между природой и человеческими переживаниями и его типами у Тургенева¹¹. К исследованию «В мастерской художника слова» не может не обращаться и сейчас литературовед, работающий в любой области литературной науки, а тургенист найдет в ней много полезного и нужного.

Так плодотворно начавшаяся работа А. И. Белецкого над изучением Тургенева¹² затем в 30-е годы почти не продолжается. Он написал лишь научно-популярную статью о «Записках охотника»¹³; это маленькое послесловие, рассчитанное на подростка, в одном, весьма важном, отношении значительно. Конец 20-х — первая половина 30-х годов — время полного ниспровержения вульгарными социологами Тургенева. Они рассматривали его как типично дворянского писателя, защищающего в своем творчестве интересы своего класса. В 1934 г. вышел сборник статей о Тургеневе со статьей Т. К. Ухмыловой «Тургенев и крепостничество»¹⁴, где утверждалось, что либерал Тургенев стремился «освободить крестьян сверху, силами правительства и дворянства во имя помещичьих интересов»¹⁵. А. И. Белецкому чужды эти вульгарно-социологические утверждения; он подчеркивает прогрессивность «Записок охотника», их антикрепостнический характер, выразившийся и в гуманном изображении крестьянина, и в ироническом и сатирическом изображении помещика. Здесь же А. И. Белецкий выясняет роль образа рассказчика («охотника») в проведении этой антикрепостнической тенденции.

В послевоенные годы А. И. Белецкий не раз возвращается к Тургеневу. Его интересуют связи с Тургеневым украинских писателей, и в работах о Нечуе-Левицком, Марко Вовчок, Панасе Мирном, Франко, Щоголеве он отмечает их интерес к Тургеневу и влияние на них его творчества, особенно «Записок охотника»¹⁶.

Итогом в изучении этой темы явился блестящий доклад А. И. Белецкого «Тургенев и Украина», сделанный на юбилейной тургеневской конференции в Орле в 1958 г. и повторенный в Киеве на юбилейном тургеневском заседании. В этом докладе были широко освещены связи Тургенева с украинской литературой и культурой, отмечен интерес Тургенева к украинской литературе, подвергнуто анализу его выступление в «Рудине» против реакционеров, отрицавших украинский язык и литературу.

А. И. Белецкий сопоставил «Сон» Шевченко и «Призраки» Тургенева, — два произведения, общие по теме, но глубоко отличные по идейно-художественной трактовке ее. Он указал и на то, что во второй половине XIX в. в украинской литературе происходило освоение жанра тургеневского романа и, наконец, охарактеризовал историю тургеневедения на Украине. Этот доклад — широкая программа изучения темы «Тургенев и Украина».

Все сделанное А. И. Белецким в изучении Тургенева представляет большой научный интерес. Уже в самый ранний период советского тургеневедения он намечал те пути, по которым оно затем пошло: изучение реалий, легших в основу произведения, его генезиса, места в историко-литературном процессе.

В научно-исследовательской работе А. И. Белецкого Тургенев, над которым он столь плодотворно работал в молодые годы, не стал затем магистральной линией. Однако все сделанное им полно для каждого тургеневиста глубокого смысла, оно заставляет размышлять, требует дальнейшего продолжения и развития идей, намеченных большим ученым.

М. Г а б е л ь

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ И. Я. Айзеншток в сообщении «Из истории изучения Тургенева (Тургеневский кружок при Харьковском университете. 1918 г.)» («Тургеневский сборник». II, 1966) приводит любопытные факты из истории этого кружка и публикует два документа, характеризующих исследовательские интересы А. И. Белецкого-тургеневиста: «Краткий проект программы историко-литературного изучения произведений И. С. Тургенева и современной им русской литературы» и «Список тем», предложенный участникам кружка. И. Я. Айзеншток сообщает также и о торжественном заседании памяти Тургенева 12 ноября 1918 г., устроенном А. И. Белецким. Вместе с тем в его сообщении есть мелкие неточности. Так, М. Г. Давидович не могла выступать на этом заседании с докладом «Женские образы Тургенева», потому что она вообще не занималась Тургеневым. Ее работа «Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века» (в кн. «Русский романтизм». Сб. статей под ред. А. И. Белецкого, Л., «Academia», 1927, стр. 88—114) не является, как утверждает И. Я. Айзеншток, разработкой одной из тем (22. Женский портрет в произведениях Тургенева) в списке, предложенном А. И. Белецким; в этой работе нет непосредственных связей с Тургеневым.

По справедливому замечанию И. Я. Айзенштока, сохранившийся у него список тем был составлен А. И. Белецким «без какой бы то ни было детализации и систематизации». Наряду с ними А. И. Белецкий выдвигал и другие темы. Так, весной 1918 г. он предложил на Высших женских курсах ряд тем, связанных с изучением отдельных произведений Тургенева. Одна из них — «„Песнь торжествующей любви“ (опыт анализа)» — увлекла меня. В начале декабря 1918 г. на заседании Харьковского историко-филологического общества мною был сделан доклад на эту тему, а затем по рекомендации А. И. Белецкого моя работа была напечатана в сб. «Творческий путь Тургенева», под ред. Н. Л. Бродского. Пг., «Сеятель», 1923 г.

Есть в сборнике И. Я. Айзенштока еще одна фактическая ошибка. В 1918 г. на Высших женских курсах в Харькове не было Тургеневского семинара, руководимого А. И. Белецким.

² Один конспект составлен З. С. Ефимовой (ныне она доцент, кандидат филологических наук), другой — покойной М. Г. Давидович (в 1920-х годах она была аспиранткой А. И. Белецкого) совместно с автором этого сообщения.

³ «Наука на Украине», 1922, № 4, стр. 332—342; Александр Белецкий. Зібрання праць у п'яти томах, т. 4. К., «Наукова думка», 1966, стор. 327—342.

⁴ В. В. Винogradov. Сюжет и архитектура романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике натуральной школы. — «Творческий путь Достоевского». Сб. статей под ред. Н. Л. Бродского. Л., «Сеятель», 1924; его

⁵ Гоголь и натуральная школа. Л., «Образование», 1925.

⁶ В. Бавеский. «Рудин» И. С. Тургенева. (К вопросу о жанре). — «Вопросы литературы», 1958, № 1, стр. 134—139.

⁷ «И. С. Тургенев». М. — Пг., ГИЗ, 1923, стр. 34—41 (Центрархив. Документы по истории литературы и общественной, вып. 2-й).

⁸ «Творческий путь Тургенева». Сб. статей под ред. Н. Л. Бродского, Пг., «Сеятель», 1923, стр. 135—166.

⁸ Н. Granjard. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, Institut d'Etudes Slaves de l'Université de Paris, 1960 и «L'élaboration artistique de „Nid de seigneurs“». — «Revue des Etudes Slaves», 1961, t. XXX, p. 89—98.

⁹ Достаточно вспомнить, как гр. Ламберт, разгневанная статьей в «Колоколе» (№ 65-66, 15 марта и № 68-69, 15 апреля 1860 г.), грубо бранит Герцена, обвиняя его в желании нажить состояние на лжи, им опубликованной (см. там же, стр. 206).

¹⁰ См. об этом статью М. О. Габель «Роман Тургенева „Дворянское гнездо“ в общественно-политической и литературной борьбе конца 50-х годов». — «Учен. зап. Харьковск. Гос. библиотечного ин-та», 1956, вып. 2, стр. 199—246.

¹¹ Ол. Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. 3. К., 1966, стор. 310, 360, 423, 429.

¹² Для полноты перечня тургеневских работ А. И. Белецкого этих лет следует упомянуть его рецензию на сборник «Тургенев и его время». М. — Пг., 1923. — «Путь просвещения», 1924, № 3, стр. 202—204.

¹³ А. И. Белецкий. Тургенев и крепостное право. Послесловие. — В кн.: И. С. Тургенев. Избранные рассказы. Харьков — Одесса, Детиздат УССР, 1935, стр. 134—140. (Работа эта не значится в библиографических списках трудов А. И. Белецкого.)

¹⁴ «И. С. Тургенев. (К 50-летию со дня смерти 1883—1933). Сборник статей». Л., ГИХЛ, 1934, стр. 81—107 (Ленингр. отд. Комакадемии. Институт литературы и искусства).

¹⁵ Там же, стр. 91.

¹⁶ О. І. Білецький. Від давнини до сучасності. Збірник праць з питань української літератури, т. І. Київ, Держлітвидав, 1960, стор. 291—292, 302, 303, 332, 335, 345, 377, 387—388, 495, 497; А. И. Белецкий. Украинская классическая проза. — В кн.: Украинские повести и рассказы, т. I. М., Гослитиздат, 1954, стр. 20. Ол. Білецький. Зібрання праць у п'яти томах, т. 2 (см. именной указатель и, особенно, стр. 176, 188, 196, 325, 355, 363, 375—376, 406).